

ГЛАВА VII

Суровая зима девятиности первого

*Декабрьская Москва • Либерализация цен •
Истерика прессы • Указ о свободе торговли •
Дикий рынок у “Детского мира” • Перемены на селе •
Александр Руцкой • Новые денежные купюры •
Помощь Запада • Руслан Хасбулатов •
Судьба правительства предрешена*

ПОСЛЕ Беловежской Пуши либерализацию цен было решено начать 2 января 1992 года. Эта уступка Украине и Белоруссии не оказала бы столь негативного воздействия, если бы предыдущий срок не объявлялся заранее. Отсрочка, повышая инфляционные ожидания, еще больше тормозила товарооборот. Кто же из производителей или торговцев станет реализовывать продукцию, если известно, что цены вот-вот рванут вверх?

В правительстве шла работа по уточнению списка товаров, цены на которые временно останутся под государственным контролем. Сломать твердо укоренившееся в управленческих структурах и в общественном сознании представление о переходе к рынку прежде всего как о длинном списке товаров с регулируемыми ценами оказалось непросто. Безусловно, в этот список следовало включить товары и услуги наших естественных монополистов: электроэнергия, связь, железнодорожный транспорт, природный газ... Но бессмысленно было делать его обширным. Это неизбежно воспроизвело бы дефицит, и тогда дотации снова легли бы тяжелейшим бременем на бюджет, подстегивая инфляцию и создавая такие ценовые диспропорции, при которых ожидать появления дотируемых товаров в свободной продаже было нереально.

В ходе мучительных межведомственных совещаний и согласований мне все время приходилось спи-

сок урезать, а он, как феникс из пепла, возрождался и даже удлинял свой пышный хвост. Особенно острая борьба велась вокруг двух крупных групп товаров — черных и цветных металлов и мясо-молочных продуктов. Сохранение контроля над ними вывело бы из сферы свободного ценообразования большую часть оборота как потребительских товаров, так и производственных ресурсов.

Эту атаку удалось отбить. Но в целом список, окончательно утвержденный на совещании у президента, все-таки оказался явно избыточным. Наиболее серьезные негативные последствия повлекло за собой сохранение государственного регулирования цен не на потребительские товары (к весне оно стало быстро и сравнительно безболезненно свертываться), а в топливно-энергетическом секторе, в первую очередь — на нефть и нефтепродукты. Если я все же согласился отложить на несколько месяцев решение этого вопроса, то главным образом потому, что надвигалась зима и существовала опасность: пока энергетики и потребители будут спорить о ценах, можно заморозить несколько крупных городов.

Декабрьская Москва 1991 года — одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов. На безлюдном Тишинском рынке долларовые цены. Среднемесячная зарплата — 7 долларов в месяц. Всеобщее ожидание катастрофы.

Когда, даже сегодня еще, меня продолжают обвинять в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, в жестких мерах, приведших к обесцениванию и без того "пустых" вкладов в сберкассах, на память мне всякий раз приходит эта страшная картина зимней Москвы. И я убежден, что делом самой высокой нравственности в тот момент было спасение людей от голода и холода.

Поздно вечером 1 января, проверив готовность инструкций, преискурантов, организационных структур, поехал вместе с женой, впервые за несколько месяцев, в гости, на день рождения моего друга публициста В.Ярошенко. Как обычно, в его крохотной квартирке собралась славная, интеллигентная компания. Спорили о литературе, говорили о кризисе толстых журналов. О политике и экономике старались не вспоминать.

Со 2 января 1992 года цены на подавляющее большинство товаров (за исключением хлеба, молока, спиртного, а также коммунальных услуг, транспорта и энергоносителей) были освобождены, а регулируемые — повышены. Введен 28-процентный налог на добавленную стоимость.

В своих выступлениях накануне либерализации я говорил о предстоящем первоначальном повышении цен на 200–300 процентов. В действительности же в январе 1992 года их рост по сравнению с предыдущим месяцем составил 352 процента. В дальнейшем динамика инфляции определялась уже не накопленным денежным навесом, а денежными потоками, возможностью их регулировать.

Бюджет на первый квартал 1992 года был представлен в Верховный Совет без дефицита. Центральный банк начал постепенный поворот к более сдержанной денежной политике, повысил процентные ставки, ужесточил резервные требования, ввел ограничения на рост объемов кредитования.

Жесткость экономической ситуации, в которой оказалась Россия, требовала порой от правительства принятия весьма необычных мер. Так, учитывая тяжесть давившего на рынок денежного навеса и скудость товарных запасов, мы временно отменили ограничения на импорт, установив нулевой импортный тариф, что позволяло хоть как-то наполнить магазины. Именно свободный импорт в начале 1992 года сыграл роль катализатора в развитии частной рыночной торговли.

Количественные ограничения по экспорту готовой продукции были также сняты, сохранены лишь квоты на вывоз топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. За их распределением устанавливался жесткий контроль.

Первая реакция прессы на либерализацию цен была истеричной: "Два дня, как цены освобождены, а товары так и не появились...", "Теперь, пять дней спустя после поспешного и необдуманного шага, уже окончательно ясно, что либерализация не устранил дефицита..."

Умом, конечно, понимаем, что первые видимые результаты могут появиться лишь недели через две-три и все-таки с тревогой и нетерпением ждем признаков улучшения на рынке. Достаточно ли действенными окажутся стабилизационные меры? Позволят ли они преодолеть укоренившиеся десятилетиями в торговле традиции распределения дефицита?

В целом либерализация цен на потребительские товары прошла без ожидавшихся эксцессов и беспорядков. Январский скачок цен, как мы и предвидели, привел к падению объемов товарооборота и постепенному насыщению рынка. Финансовая политика в январе-апреле оставалась достаточно жесткой.

Одновременно указ президента об утверждении основных положений программы приватизации на 1992 год позволил сдвинуть с мертвой точки и процесс упорядоченной трансформации государственной собственности.

Чтобы воспрепятствовать контрнаступлению государственной торговли и создать предпосылки для реальной приватизации в этой важнейшей сфере хозяйственной деятельности, каждый магазин, база должны были обрести статус юридического лица, иметь свой счет в банке. Правовые документы, позволяющие развернуть широкую аукционную приватизацию магазинов, могли быть готовы лишь к марту, а государственная торговля уже повела смертельную войну за сохранение дефицита. Именно дефи-

цит при социализме делал положение продавца, товарововеда, заведующего секцией величайшим благом, предметом вожделенных мечтаний почти каждой советской семьи. Переход к нормальной денежной экономике с доминирующим положением покупателя означал для государственной торговли крах не только устоявшихся стереотипов, но и социального престижа, положения в обществе. Обсудив ситуацию, по предложению П.С.Филиппова принимаем решение подготовить указ о свободе торговли — нормативный акт, максимально либерализующий эту сферу деятельности. Президент подписал его в конце января, и он тут же был обнародован в виде указа.

На следующий день, проезжая через Лубянскую площадь, увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина "Детский мир". Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. "Очередь, — привычно решил я. — Видимо, какой-то товар выкинули". Каково же было мое изумление, когда узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты "Указ о свободе торговли", люди предлагали всяческий мелкий товар...

Неэстетично? Неблагородно? Нецивилизованно? Пусть так. Но насколько мне известно, младенцы не появляются на свет такими уж раскрасавцами. Пожалуй, только родители видят, какой прекрасный человек может вырасти со временем из этого крошечного орущего существа. Если у меня и были сомнения — выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе, то с этого дня они исчезли.

Пришлось, конечно, выдержать тяжелейшую борьбу за сохранение режима свободной торговли. Особенно в первые месяцы, пока еще не сложились частные торговые структуры, не появились хоро-

шие приватизированные магазины и не сформировалась сеть торговых палаток. Особенно недовольны указом были некоторые сотрудники милиции и районных администраций, потерявшие возможность заниматься привычным лихоимством. Подчас они намеренно старались придать местам концентрации частной торговли возможно более неприглядный вид. Однако как бы там ни было, но стало ясно, что основная задача — ликвидация дефицита и изменение отношения людей к частной торговле — начала успешно осуществляться.

Как следовало ожидать, наиболее серьезные проблемы обозначились с теми продуктами, цены на которые оставались под централизованным контролем, — хлебом, водкой, молоком, подсолнечным маслом, сахаром. Выработать единый порядок их дотирования, который бы устраивал все регионы, не только трудно, но, пожалуй, невозможно. В начале января подписываю распоряжение о передаче решений по контролю большей части этих цен на места. В зависимости от конкретных условий предоставляем право местным властям отказываться от дотирования, давая импульс рыночному ценообразованию, что позволит быстрее расстаться с дефицитом, ликвидировать очереди. Руководство регионов откликается на это по-разному. Челябинск, Нижний Новгород быстро используют предоставленные им права, и положение со снабжением населения начинает там улучшаться. Но были и регионы, упорно проводившие политику "регулируемого вхождения в рынок" с ее талонами, очередями, обильным дотированием и соответствующей всему этому дальнейшей деградацией недофинансированной социальной сферы.

Тяжело продвигается дело с перестройкой сельского хозяйства. Основные направления аграрной реформы определены указом президента: перерегистрация колхозов и совхозов, позволяющая упорядочить в них отношения собственности, предостав-

ление крестьянам права выхода из них с земельным и имущественным паями, создание федерального фонда перераспределения земли для тех, кто готов вести крестьянское хозяйство, финансовая помощь в развитии частнохозяйственного уклада.

Фундаментальные трудности в реформировании российского села имеют историко-социальный характер. На протяжении десятилетий колхозного крепостного права почти вся деревенская молодежь мечтала рано или поздно перебраться в город. Официально установленная гражданская “второсортность” — беспаспортность крестьян, пожизненно прикреплявшая их к колхозам, заметно более низкий, чем в городе, уровень жизни, ограниченная возможность выбрать дело по душе, скудость культурно-бытового обеспечения — все это, год за годом, было причиной ухода в город молодых сельчан, особенно тех, кто энергичен, смел, уверен в себе.

Отсюда неизбежное — слабость социального слоя, который мог бы подхватить и поддержать преобразования, воспользоваться новыми правами и свободами. Ну и конечно, сельская элита, коммунистическое дворянство — председатели колхозов, директора совхозов — отнюдь не горели желанием расстаться со своим привилегированным положением и на всю катушку использовали полнейшую зависимость своих односельчан.

И все же, несмотря на сопротивление, перемены начались. Косвенным признаком их стал быстрый рост поголовья скота на личных подворьях при сокращении его в колхозах и совхозах. А вот прямое свидетельство — к маю 1992 года в России насчитывалось более 100 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств, и их число продолжало быстро увеличиваться. Можно было надеяться, что спокойной, упорной, последовательной политикой правительство сломает сопротивление аграрной номенклатуры, сумеет добиться становления рыночно ориентированного, базирующегося на четко закрепленных

отношениях собственности частного сектора в сельском хозяйстве.

К сожалению, эти надежды во многом перечеркнуло неожиданное назначение А.Руцкого ответственным за проведение аграрной реформы. С Александром Владимировичем Руцким познакомились мы 6 ноября 1991 года. Александр Николаевич Шохин, только что назначенный заместителем председателя правительства Российской Федерации, и я решили протокольно зайти к вице-президенту, представиться и договориться о взаимодействии. Александр Владимирович был явно доволен проявленным уважением, пригласил посмотреть модели техники по переработке сельхозпродукции, разработке которых покровительствовал. По ходу разговора ему принесли завизировать какой-то указ. Руцкой посмотрел, удовлетворенно хмыкнул, поставил размашистую подпись. Насколько догадываюсь задним числом, это был указ "О введении чрезвычайного положения в Чечне".

Руцкой, лишь недавно получивший звание генерала за августовские события, мечтал показать себя видным военачальником, лично по карте намечал направления движения войск. Потом, когда ситуация стала разваливаться на глазах, орал на всех встречных и поперечных, а после провала операции искал виновных, круче всех бранил Баранникова.

В конце октября, когда на заседании Государственного Совета Борис Николаевич Ельцин поставил ребром вопрос о необходимости либерализации цен, он спросил присутствующих о согласии. Все дружно кивнули, в том числе и Руцкой. Однако уже в ноябре он начинает сложно маневрировать, желая снять с себя ответственность за предстоящие непопулярные решения. На заседаниях правительства, которые проводит Ельцин — он сидит от него по левую руку, — регулярно приводит нам в пример Украину, где президент Кравчук говорит о необходимости введения чрезвычайного экономического положе-

ния. Идея о чрезвычайном положении ему явно импонирует — очень хочется сделать нечто такое же и в России.

В конце декабря Руцкой отправляется в турне по Сибири. Экономическая ситуация тяжелая, жалобы со всех сторон. Он стремится как можно решительнее отмежеваться от нового правительства и его планов. В этот момент впервые говорит о мальчиках в розовых штанишках, которые взялись управлять Россией. По прилете извиняется, кается, рассказывает, что его совершенно неправильно поняли, что он имел в виду не нас, а парламентскую фракцию "Смена — новая политика".

Потом это становится привычным. Регулярно выступая с гневными обличениями в адрес правительства, чуть сдержаннее в адрес президента, он прилетает на аэродром с ворохом выписок из местной прессы, потрясает ими и рассказывает, как центральная пресса его оболгала, он совсем не то хотел сказать. Впрочем, конфликт между вице-президентом и правительством довольно быстро из холодного перерастает в горячий. Проблема в том, что вокруг Руцкого, человека, на мой взгляд, крайне ограниченного, постоянно пасется масса энергичных проходимцев, использующих его для того, чтобы лоббировать интересы различных коммерческих структур. Они вешают ему на уши лапшу насчет "пользы для России" и выбивают разнообразные льготы, привилегии, квоты. Любой отказ правительства поощрять подобную самодеятельность его прихлебатели интерпретируют как заговор, направленный на подрыв влияния вице-президента.

Правда, в феврале 1992 года Руцкой пытается восстановить отношения. Приглашает Бурбулиса и меня подъехать к нему в Кремль, чтобы вместе потолковать. Начинает с того, что надо мириться, попросту называть друг друга на "ты" и быть откровенными. Пользуясь приглашением, говорю на доступном ему языке примерно следующее: Саша, ты ниче-

го не понимаешь в экономике, ну зачем ты в нее лезешь? Но в целом разговор получается скорее мирным. Война никому не нужна.

Именно в это время Геннадия Эдуардовича посещает, на мой взгляд, на редкость неудачная и опасная идея: поручить Руцкому заняться аграрной реформой. Идея понятная — на сельскохозяйственной политике многие сломали себе шею, всем еще памятен пример брошенного на сельское хозяйство Егора Кузьмича Лигачева. Я с таким назначением категорически не согласен. Во-первых, мы с огромным трудом действительно начинаем разворачивать аграрную реформу. Приняты важнейшие указы президента. Начинается реорганизация колхозов и совхозов, создаются фонды перераспределения земли, мы поддерживаем формирование фермерского сектора. И вот сейчас всю эту сложнейшую, политически конфликтную работу поручить человеку, который ни уха ни рыла в ней не смыслит и у которого решительность сочетается с дремучим невежеством, — ясно, что наломает дров. Все это слишком большая цена за нейтрализацию его политических амбиций. К тому же не вызывает сомнения — первое, что он сделает, это начнет рассказывать, как все мешают ему работать, и постарается свалить с себя ответственность.

Тем не менее решение президентом принято, и тяжелые последствия его не замедлили вскоре сказаться. Противоречивый поток указаний, идущих от вице-президента и из Министерства сельского хозяйства, создал вакуум, позволяющий местной аграрной номенклатуре, ссылаясь именно на эти противоречия между различными центрами власти, практически полностью заблокировать земельную реформу, реформу сельскохозяйственных предприятий. Быстро убеждаюсь в том, что вице-президент, руководящий сельским хозяйством, просто опасен для страны, его решительное и некомпетентное вмешательство может нам очень дорого обойтись. В

критические периоды сельскохозяйственного года, особенно в период уборки, специально прошу Андрея Владимировича Козырева срочно подыскать Александру Владимировичу какие-нибудь важные поручения за границами нашей родины, по возможности подальше. К счастью, здесь Андрей не подвел, помог. Уборку удалось завершить более или менее организованно.

То, что вице-президент — человек весьма ограниченный и малообразованный, новостью для меня, разумеется, не было. Но в процессе работы, особенно сталкиваясь с экстремальными ситуациями, требующими принятия быстрого решения, такими, как события в Северной Осетии и Ингушетии, Южной Осетии, в Таджикистане, вдруг с недоумением убеждаюсь, что героический летчик, мягко говоря, еще и не слишком храбр. До того момента, когда нужно принимать решение, бездна слов, энергии. Когда же доходит до дела и надо действовать, причем, не дай Бог, президента нет, а на "хозяйстве" остались мы двое, он — вице-президент, и я, как исполняющий обязанности премьера, вот тут-то и проявляется его страстное желание переложить принятие решения на кого-нибудь другого.

Поначалу это настолько противоречило его устоявшейся репутации, что я даже не поверил, подумал, что, наверное, ошибаюсь. Потом, когда подобного рода ситуация повторялась неоднократно, убедился — да, за бравой внешностью усатого рубахапарня скрывается мечущаяся, неуверенная в себе натура. Потом, в октябре 1993 года, отнюдь не героическое поведение Руцкого меня несколько не удивило.

А весной 1992 года обрушившийся на регионы поток телеграмм и указаний вице-президента был повсеместно и однозначно воспринят как сигнал к переходу от прикрытого саботажа аграрной реформы к активному ей противодействию. Воцарившийся хаос в управлении сельским хозяйством, полная невозможность определить, где кончаются прерога-

тивы правительства и Министерства сельского хозяйства и где начинается сфера вице-президента и организованного им Центра аграрных реформ, создали максимально благоприятную обстановку для тех, кто хотел сохранить в неприкосновенности основы советского помещичьего строя.

Пришлось столкнуться с противостоянием реформам и в финансовой сфере. Я уже говорил, что при подготовке реформы мы понимали: резкое изменение масштаба цен и доходов потребует существенной налично-денежной эмиссии, перестройки купюрной структуры денежной массы. Говорил и о том, что распоряжение о срочном печатании купюр более высоких номиналов, данное мной начальнику Гознака Алексееву, было воспринято им с полным пониманием, хотя формально это ведомство еще подчинялось союзному Минфину.

Оказалось, однако, что почти сразу же после этого Алексеева вызвал Хасбулатов и устроил ему жесточайший разнос: "всяких Гайдаров слушаете и инфляцию в стране разводите". В запутанном законодательстве этого времени разобраться, чей приказ главнее, было непросто. Получив нагоняй, начальник Гознака просто затаился. Работа по подготовке новых купюр была остановлена.

Между тем цены росли, зарплаты заметно отставали от цен, но тоже росли. С каждым днем объем находящегося в обращении денежного номинала все больше отставал от потребностей, и злая беседа профессора экономики Хасбулатова с Алексеевым оброчивалась серьезной бедой. Задержки с выдачей заработной платы, пенсий, пособий из-за нехватки наличности становились массовыми. И миллионам людей было вовсе не до того, кто там наверху прав, кто виноват.

Чтобы наверстать бездарно упущенные в начале реформ два месяца, быстрее напечатать новые купюры, правительство вне всякой очереди удовлетворило в полном объеме все валютные потребности

Гознака (для закупки запчастей, технологического оборудования), ужесточило контроль за налично-денежным обращением.

А кризис усиливается, особенно с приближением сезонных отпусков. В Перми рабочие грозят, если им не выплатят задолженность по зарплате, заблокировать фабрику Гознака, в Москву мчатся ходяки из регионов, заявляют, что просто не могут возвращаться без наличных денег.

В критический момент всерьез обсуждаем вопрос о возможности отчеканить и пустить в обращение для самых взрывоопасных точек золотую монету. С конца июня 1992 года кризис с наличностью сходит на нет. Однако его политический ущерб восполнить трудно.

В безналичном обороте тоже, как говорится, не сахар. От том, что постсоциалистические экономики на либерализацию цен и переход к сдержанной финансовой политике повсеместно откликаются кризисом неплатежей, ростом задолженности предприятий в валовом внутреннем продукте, я как раз писал в незаконченной книге, работу над которой прервало известие об августовском путче. Если разумная политика в денежной сфере выдерживается в течение нужного времени, то положение стабилизируется на уровне, характерном для устойчивых рыночных экономик. Магистральное направление политики для реального ограничения неплатежей — ужесточение финансовой ответственности предприятий, введение действенного законодательства о банкротстве. Любая же попытка бороться с неплатежами, увеличивая объем кредитования, лишь воспроизведет и даже увеличит масштабы задолженности, но уже на новом, более высоком витке инфляции.

Факт сей столь же непреложен, как ежевечерний заход солнца. Но для многих директоров предприятий, их представителей в Верховном Совете, да и для ряда практикующих экономистов, которые их обслуживают, сделать из него правильный вывод так

же тяжело, как тяжело было нашим дальним предкам признать вращение Земли.

В России факторы, порождающие платежный кризис, усугублялись слабостью микроэкономической базы стабилизационной политики: приватизация еще не началась, финансовая ответственность государственных предприятий низкая, законодательство о банкротстве отсутствует. К тому же изменения в системе расчетов, связанные с подготовкой к введению безналичного российского рубля, замедлили сроки прохождения платежных документов, а представление о том, что отгруженная продукция раньше или позже, но неизбежно будет оплачена, пока еще твердо господствует в директорском корпусе.

Если налично-денежный кризис — самая очевидная и самая горячая проблема начала 1992 года, то денежные отношения с государствами Содружества — скрытая, но не менее взрывная. Подавляющее большинство государств Содружества, приняв как неизбежность начало либерализационных мероприятий, выбрали стратегию мягкого, постепенного вхождения в рынок, сохранив контроль цен над широкой номенклатурой потребительских товаров и производственных ресурсов, адресное директивное планирование, масштабные госзаказы, фондовое распределение. В результате получили сочетание быстро растущих цен и сохранения дефицита на всех рынках. Причем если в начале 1992 года под влиянием административных ограничений темпы роста цен отставали там от российских, то затем быстро пошли вверх, оставляя далеко позади даже весьма высокие российские темпы инфляции. Другим путем, правда, пошли государства Балтии. Они взяли курс на последовательные рыночные реформы и решительную стабилизацию национальной валюты. Но в первом полугодии 1992 года вся эта широкая совокупность стран с резко различающимися курсами еще использует общий союзный рубль, при-

чем по-прежнему все соседи по рублевой зоне имеют практически неограниченные эмиссионные возможности. За пять месяцев 1992 года их общая эмиссия на российском рынке составила 232 миллиарда рублей, в то время как кредиты российского Центрального банка своему правительству равнялись 90 миллиардам рублей. Предвиденная нами опасность — денежная экспансия других государств СНГ за счет России — подтверждалась в полной мере.

Стратегия многих государств Содружества — максимальное переключение поставок экспортных товаров на дальнее зарубежье за конвертируемую валюту при всемерном ограничении экспорта в Россию. Это наносит дополнительный удар по российской промышленности, потреблявшей узбекский, таджикский, туркменский хлопок, казахские цветные металлы, продукцию украинских металлургов.

Таможни еще условны, рынок прозрачен и пронизаем. На нем складывается предельно неприятная неустойчивая ситуация. В России, как и в Балтии, ограничительная денежная политика, торможение роста цен, особенно оптовых, начинают давать плоды. Потребители думают о деньгах, отказываются брать продукцию по предельно завышенным, не соответствующим платежеспособному спросу ценам. Зато в республиках, где денежная политика мягкая, податливая, продукцию берут не торгуясь и не скупясь — денег не жалко, еще напечатаем. Здесь в полную силу действуют стереотипы дефицитной, бартерной экономики. А в результате действенность ограничительной денежной политики в России оказывается подорванной. В такой ситуации ее ужесточение социально конфликтно и бесплодно. Постепенно становится ясно, что, пока правительство торгуется за каждую копейку, урезает все виды расходов и создает себе врагов, республики совершенно спокойно и без счета печатают деньги.

Характерный пример — ситуация с финансированием Черноморского флота. Весной 1992 года раз-

ворачивается ожесточенная дискуссия между российскими и украинскими властями о его принадлежности. Главный аргумент Украины: пока Москва жмотничает, мы даем деньги на флот и на Крым не считая. Да и действительно, что их считать, если сколько надо — столько и печатали.

В начале февраля, когда уже стало очевидно, что рынок начинает складываться, на одном из регулярных вечерних совещаний с ближайшими коллегами предложил, воспользовавшись первым импульсом перемен и растерянностью противников, быстро и неожиданно либерализовать цены на нефть и нефтепродукты. В ходе обсуждения возобладало противоположное мнение: лучше все-таки, как и намечалось, дождаться конца отопительного сезона, не суетиться. А в результате — неприятные последствия этого осторожного решения. С конца февраля — начала марта именно борьба против либерализации цен на топливо становится стержнем, вокруг которого постепенно начинается консолидация оппозиций курсу реформ. Просматривая прессу этого периода, причем отнюдь не только коммунистическую, видишь, что истерика по поводу размораживания цен на нефть получила почти всеобщее распространение.

В декабре минувшего года предприятия еще относились к предстоящему размораживанию цен довольно спокойно, а некоторые с надеждой, что впереди их ожидает более легкая жизнь. Многие были уверены, что, повышая раз за разом цены на свою продукцию, они сумеют, ничего не меняя, удержаться на плаву. К концу февраля директора начинают понимать, что к этому же прибегнут и их поставщики, смежники и все в конце концов неизбежно упрется в границу платежеспособного спроса.

Отсюда растущее сопротивление мерам, направленным на либерализацию цен в таком важном секторе, как топливо. Конечно, нефтяники, оказавшиеся в положении крайних, с фиксированными цена-

ми на свою продукцию при свободных — на потребляемые запасные части, комплектующие, оборудование, такой шаг поддерживают. Но против них — почти все остальные. Народ пытаются убедить: если цены на нефть вырастут в 5-6 раз, то все остальные цены тоже вырастут в 5-6 раз. С точки зрения экономики — это глупость, и через несколько месяцев, уже в июне 1992 года, все убедятся в этом. Но людям, едва оправившимся от январского шока, такое утверждение кажется неоспоримым. На страхе перед новым кризисом выстраивается пропагандистская схема "мирового заговора" с целью удушения российской промышленности путем размораживания цен на нефть и нефтепродукты.

Нарастает мощное давление на президента. Лавина ходяков ежедневно сообщает ему, какую страшную авантюру, если не предательство, затеяли эти монетаристы. Верховный Совет принимает решение, что правительство не должно производить никаких изменений в ценах на энергоносители без его согласия. Нормальное продвижение реформ в этой важнейшей области оказывается политически взрывоопасным. Начавшиеся как раз в это время переговоры между российским правительством и Международным валютным фондом о предоставлении России значительного кредита позволяют представить главным организатором и вдохновителем заговора МВФ. Нашему правительству отводится роль его "послушного инструмента".

Первоначальное отношение к российским экономическим реформам в западной политико-финансовой элите было весьма настороженным и прохладным. Только что рухнул Советский Союз, исторический противник, но вместе с тем — и гарант стабильности, предсказуемости. Ушел М. Горбачев, которого так любили на Западе. Непонятно, чего ждать от этих новых, непредсказуемых бывших республик. Не начнут ли они воевать друг с другом? Да еще, не приведи Господь, обменяются ядерными ударами, о

чем осенью 1991 года уже писали в российских и украинских газетах... Вот все это и волновало тогда западных лидеров. Ну а что касается начатых в России реформ, считали они, то разговоров за последние годы было немало, официальных программ — больше десятка, откуда знать, что и на этот раз дело не кончится болтовней? В общем, надо подождать.

Первыми, быстрее других поняли, что на этот раз Россия приступает к реформам всерьез, английский посол в СССР Р.Брейтвейт и американский — Р.Страус. Хотя трудно представить двух видных людей, столь несхожих друг с другом. Р.Брейтвейт — дипломат карьеры, интеллектуал, прекрасный знаток России. Р.Страус — зубастый американский адвокат, известный тем, что никогда не проигрывал в судах, прожженный политик, бывший председатель Демократической партии США, к моменту своего назначения в Москву не знавший о России почти ничего. Однако было между ними и общее: и тот, и другой по ряду причин пользовались большим авторитетом у лидеров своих государств. Они оба с разных позиций уже в декабре 1991 года пришли к выводу, что российские реформы нужно решительно поддержать, и сделали многое, чтобы убедить в этом руководства Великобритании и США. Короткий визит Ельцина в конце января в Лондон и Вашингтон, во время которого он провел переговоры с премьер-министром Мейджором и президентом Бушем, а я — с министром финансов Англии Ле Монтом и США — Брейди, пришелся на хорошо подготовленную почву. Разговоры были долгими. Ощущая у собеседников неподдельный интерес к российским делам, я подробно рассказывал, что делаем, что собираемся делать, какие намечены этапы, какие на каждом из них ожидаются трудности. Практика уже подтвердила, что это не только слова: подавляющее большинство цен разморожено, импорт либерализован, бюджетные расходы сокращены, в магазинах впервые за долгое время начали появляться товары. Самое вре-

мя использовать все возможности для помощи молодой российской демократии, упрочение которой открывает перед человечеством прекрасные перспективы мира, стабильности.

С этого январского визита в Лондон и Вашингтон вопрос о помощи России со стороны Запада всерьез встал в политическую повестку дня. Особенно важным было, что столь волновавшая меня загрузка в американских портах зерна для России стала практически бесперебойной. В самом начале апреля по поручению президента Буша переговорить со мной прилетел в Москву заместитель министра финансов Д.Малфорд. Он сообщил, что президент США принял политическое решение поддержать экономические реформы в России и в ближайшие дни Большая Семерка объявит о крупномасштабной финансовой помощи общим объемом 24 млрд долларов. Попросил изложить мое мнение об оптимальном комплектовании такого пакета. Конечно, я был очень рад. Если такую помощь Семерка действительно окажет, то существенно окрепнут финансовые и внешнеэкономические позиции России. Будет гарантированно снята проблема снабжения зерном до нового урожая. Можно всерьез поставить и решить вопрос о пересмотре невыгодных условий соглашений с кредиторами — Парижским и Лондонским клубами. Возникнет возможность получить дополнительные льготные и на долгий срок займы от МВФ и Мирового банка. Однако я понимал, что сама по себе зарубежная помощь при всей ее важности внутренних проблем России не решит, а когда порожденные этой крупной финансовой поддержкой безбрежные ожидания столкнутся с нашей суровой реальностью, у нас возникнут новые политические трудности.

Зима 1991/92 года для российского правительства — время максимального напряжения и риска — вместе с тем стала периодом наибольшей политической свободы маневра, отпущенной нам временем. Традиционные группы давления еще дезорганизова-

ны. После августа 1991 года лидеры аграрного и военно-промышленного лобби, замешанные в ГКЧП, выключены из игры. И даже те, кто яростно критикуют реформы и надеются вскоре на волне народного недовольства прийти к власти, заинтересованы, чтобы самое неприятное было сделано чужими руками.

Правда, некоторые деятели из тех, что прорвались к власти на волне демократического подъема, считают, что им уже пора отмежеваться от реформаторов, сбросить их, как ненужный балласт. В газете "Правда" Руцкой: "Кризисное положение в России, проявившееся с особой ясностью в первую же неделю после либерализации цен, долго терпеться народом не будет..."

И — Хасбулатов. В свое время он поддержал наш проект либерализации цен, но уже в январе 1992 года на встрече с итальянскими сенаторами говорит, что в России "складывается такая ситуация, когда уже можно предложить президенту сменить практически недееспособное правительство".

Статьи профессора Московского института народного хозяйства Р.Хасбулатова привлекли мое внимание еще в 1988-1989 годах. Напечатанные в "Комсомольской правде", они отражали упрощенное, розовое, в стиле раннего рыночного социализма видение предстоящих преобразований. Несколько раз я получал его статьи, направленные в журнал "Коммунист", и каждый раз отклонял их из-за банальности. Лично познакомился с ним в 1990 году. Только что избранного народного депутата от Чечни ко мне в экономический отдел привел мой сотрудник, спецкор "Правды" Александр Скрынник.

Снова встретились уже осенью 1991 года после моего назначения в состав правительства. Видел, что вызываю у него антипатию, поначалу не мог понять почему. Позже, от Ельцина, узнал — Хасбулатов сам усиленно добивался назначения на должность премьера. И вот теперь он, очевидно, решил, что са-

мая грязная работа позади и можно не без приятности поруководить.

У Хасбулатова как политического деятеля было два безусловно сильных качества. Это — прекрасное понимание аппаратной интриги и умение манипулировать людьми. Я с чувством, близким к восхищению, следил за тем, как, жестко распределяя блага, чередуя кнут и пряник, играя на слабостях депутатов, на их мелких интересах, он день за днем укреплял свой контроль над Верховным Советом. У всех на памяти, как искусно он пользовался силой аппарата для принятия нужных ему решений. Он как будто кожей чувствовал зал, понимал, когда он возбужден и когда, используя это возбуждение, можно провести стремительное голосование, а когда, наоборот, надо дать выговориться, замотать вопрос, утопить его в словопрениях. Пожалуй, мое крайне скептическое отношение к Хасбулатову-экономисту довольно долго заслоняло тот факт, что передо мной недюжинный политический талант, возможно, ОДИЕ: из наиболее крупных среди тех, что были порождены бурной эпохой перестройки. Мне кажется, что сам Хасбулатов внутренне ощущал суть сталинской технологии власти, может быть, осознанно или неосознанно, пытался смоделировать и использовать ее. Он проиграл, но надо признать — был недалек от заветной цели.

Итак, зима 1991/92 года была нашей союзницей, мы много успели сделать. Бросая сегодня ретроспективный взгляд на тот период, вижу: сделанное нами тогда заложило фундамент формирования рыночной экономики в России. Однако к весне общеполитический фон резко ухудшился. Заданная волею обстоятельств социально-конфликтная политика ощущимо задела интересы практически всех социальных групп. Армия и военно-промышленный комплекс были болезненно ущемлены резким сокращением оборонных расходов, агропромышленный комплекс — отменой дотаций на продукты питания,

инвестиционный — снижением бюджетных капиталовложений. Жесткая финансовая политика обусловила ограничение зарплаты учителей, врачей, ученых, управленцев. Сформированные в условиях подавленной инфляции вынужденные сбережения обесценились, это больно ударило по старшим возрастным группам, пенсионерам, ветеранам. Промышленники и предприниматели стонали от непомерных налогов, связывая с ними все свои трудности. Банкротство Внешэкономбанка лишило российские предприятия почти всех валютных сбережений. И во всем этом, разумеется, винули не бывшее союзное правительство В.Павлова, а начатые реформы.

Мы понимали, что никакими маневрами невозможно предотвратить формирование мощной проинфляционной политической коалиции. В Верховном Совете складывалось твердое антиреформаторское большинство. В конце весны, при обсуждении экономико-политических проблем, президент России все чаще ставил тревожащий его вопрос: где же теперь социальная база проводимой политики? В целом с этого времени отставка правительства предпринята, все дело теперь только в сроках.